

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСЕЙ КИРСАНОВ

СТАЛЬНОЙ
ИМПЕРАТОР

Алексей Кирсанов

Стальной император

<https://litres.ru/74262639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Работал себе нейрохирургом, никого не трогал и тут на тебе: - всем лежать, фсб. Ну я же не враг своему здоровью, конечно лег. Все бы хорошо, но тут они увидели подполковника на моем операционном столе, и самый молодой из них психанул. И вот я уже простреленный истекаю кровью. Прекрасно понимаю что мне хана и решаюсь на то, чего в принципе себе никогда не позволял...

Ощущение падения, образы, пустота.

Я открываю глаза и чувствую себя весьма странно. Мне уже не сорок три года, а чуть больше двадцати. Это конечно класс, но что это за красное небо, и где я вообще оказался?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Кирсанов

Стальной император

Глава 1

Скальпель погрузился в височную долю ровно на ту глубину, где серая субстанция уже кричит от боли, но ещё не отключает сознание. Как пациент на грани наркоза, когда он ещё слышит голос хирурга, но уже не может пошевелиться. Я любил этот момент. Зрачки подполковника расширились, превратившись в два чёрных провала, наполненных чистым ужасом. Страх это всего лишь коктейль эмоций, но на вкус он дороже любого вина.

— Доктор Мазурян... — голос пациента вибрировал на грани, видимо связки уже сдавали. — Вы же понимаете...

— Тишина, — я поправил налобный рефлектор, и луч света отсёк его лицо от полумрака. — Вы мешаете мне работать.

Подвал старого морга на задворках Москвы хранил мои секреты надёжнее, чем иной правительственный бункер. Пробковые панели глушили любые крики, автономный генератор обеспечивал жизнь оборудованию, система фильтрации не позволяла запахам просочиться наружу. Двенадцать лет я потихоньку возводил этот храм. Двенадцать лет сна-

ружи — лекции в Первом меде, показательные трепанации, благодарные аспирантки. А внутри, в этой операционной, обратная сторона моей жизни, не самая, скажем так законная.

Подполковник дёрнулся на фиксаторах. Стальная рама держала крепко — я сам проектировал её, сняв мерки с десятка добровольцев. Веки его были разведены расширителями, как створки раковины жемчужницы. Только вместо жемчуга — глазные яблоки с введёнными микроэлектродами. Изящная работа, почти ювелирная, и я ей искренне гордился.

— За что? — прохрипел он.

Я отложил скальпель и взял пульт управления с единственной алой кнопкой.

— А вы то за что? — спросил я ровно. — Двенадцать трупов, подполковник. Двенадцать гражданских душ. Вы полагали, никто ничего не узнает?

— Это была война...

— О нет, это была мясорубка, — я нажал кнопку.

Ток потёк по электродам, слабый, почти гомеопатический импульс. Подполковник выгнулся дугой, и позвонки его громко хрустнули. Мониторы ожили: альфа-ритм захлебнулся, уступая место тета-волнам, потом пошли всплески — острые, как иглы на энцефалограмме. Мозг входил в состояние искусственной парасомнии. Пограничье между сном и явью, где сознание максимально беззащитно.

— Что вы... что вы творите со мной?

— Картографирую, — на голографическом дисплее вращалась трёхмерная модель его мозга, похожая на гнилой орех, изъеденный нейронными связями. — У каждого организма есть точка перехода. Пси-порог, за которым личность ломается. У кого-то это боль, у кого-то страх за потомство, у кого-то унижение. А у вас, подполковник, — глубокое чувство вины, я полагаю.

Я лгал. Просто были люди, сильно ждущие результатов моих изысканий. Карты подкорковых структур, протоколы нейролингвистического программирования, методики дистанционного подавления воли. Государство платило гранты за онкологию, а частные военные корпорации — за то, в чём я достиг подлинного мастерства.

Препарировать человеческое сознание, превращая его в податливую глину.

Подполковник заплакал. Слезы катились по расширителям, капали на стерильную простыню, и я даже поморщился. Даже такие, казалось бы, непрошибаемые экземпляры, порой оказываются слабаками.

— Терпите голубчик, — я взял шприц с окситоцином. — Сейчас будет полегче.

Игла вошла в ярёмную вену, гормон доверия хлынул в кровь, и через полминуты пациент обмяк, как кукла. Зрачки разошлись до предела, дыхание выровнялось.

— Вот так, — я наклонился к уху. — Теперь расскажите

мне о точке перехода. Только ничего не утаивайте.

И он рассказал. Выложил всё, что прятал за частоколом воли.

Потом я работал ещё четыре часа, без перерыва, без единой лишней манипуляции. Подполковник перестал быть человеком. Он стал инструментом, который можно метнуть в цель одним кодовым словом.

В пять утра я закончил. Снял халат, вымыл руки с хлоргексидином, ощущая, как горит сетчатка от усталости. Подполковник спал, если конечно можно назвать сном то состояние, в которое я его вогнал. Через сутки он очнётся и не вспомнит абсолютно ничего. Но когда ему позвонят и произнесут ключевую фразу, он сделает всё, что ему прикажут.

Абсолютно всё.

Я набрал номер на коммуникаторе.

— Готово, — бросил в трубку. — Можете забирать.

— Отменная работа, доктор, — голос с акцентом, масляный и довольный. — Гонорар упадёт немедленно.

— Превосходно.

Отбой. Подошёл к кофемашине, нажал кнопку. Автомат загудел, наполняя чашку чёрной, как битум, жижей. Глотнул, глядя на тело пациента, и вдруг ощутил странное. Пустоту. Словно в груди образовалась полость, и из неё медленно вытекает смысл.

Двенадцать лет. Сотни операций. Десятки сломанных судеб, обнулённых личностей. Деньги текли рекой, репутация

сияла, коллеги боялись, студенты обожали. А смысла то не было. Как будто потроша черепные коробки я находил только пустоту, и теперь она поселилась во мне.

Усмехнулся. Философские метастазы перед рассветом. Видимо, старею. Сорок три года, а все туда же — рефлексировать, как юный интерн.

Ещё глоток. Завтра привезут депутата, нужна лёгкая коррекция памяти. Пара сессий, и он забудет, куда дел бюджетные миллиарды.

А потом раздался взрыв.

Входная дверь сорвалась с петель и впечаталась в противоположную стену. Я рухнул на пол раньше, чем мозг обрабатывал информацию. Осколки стекла брызнули по лаборатории, кофемашина опрокинулась, заливая кафель кипятком.

— ФСБ! Лежать!

Я уже лежал, прижимаясь щекой к холодному кафелю. В черепе щёлкало: сдал заказчик? Или может подполковника ввели? Поздно гадать — чёрные ботинки протопали мимо. Спецназ работал слаженно, как часовой механизм: трое к операционному столу, двое в серверную, один ко мне. Я скопил глаза. Автоматы, тяжёлое бронирование, шлемы с зеркальными забралами. На захват это не похоже, скорее это ликвидация.

— Чисто!

— Сервер пуст, диски демонтированы!

Я мысленно усмехнулся. Разумеется, пуст. За час до опе-

рации всегда делал бэкап на облако и уничтожал физические носители. Профессиональный рефлекс, выработанный годами безупречной паранойи.

— Где данные, Мазурян? — ботинок упёрся мне в рёбра. Я молчал.

— Спрашиваю, где данные?!

Удар. Боль расцвела в боку огненным бутоном, но я сдержал крик. Сломал, ублюдок. Ничего, заживёт. Кость — это всего лишь кость, срастётся.

— Данные, сука!

Ещё удар. В голову. Вспышка света, звон, будто ударили по камертону, вживлённому в висок. Я сплюнул кровь на кафель. Тёмная, почти чёрная.

— Вам не заполучить их, — произнёс я спокойно. — Заранее простите.

Спецназовец наклонился. Забрало поднялось, явив лицо — молодое, с воспалённым подбородком и безумными глазами. Лет двадцать пять, не больше. Щенок совсем. Диагноз: агрессия как компенсация неуверенности.

— Ты не понял, доктор, — выдохнул он. — Мы пришли за тобой.

И выстрелил мне в грудь.

Боль оказалась мгновенной. Гидрошок разорвал лёгочную ткань, пуля прошла навылет, раздробила позвонок. Тело выгнулось в последнем рефлексе умирающего. Ноги отказали сразу: спинной мозг поврежден, сигнал не проходит.

— Блядь, Ковалёв, ты что творишь?! — заорал кто-то. — Приказ был живым брать!

— Сам виноват. Оказал сопротивление.

Я лежал на кафеле и смотрел, как растекается лужа моей крови. Она была тёмной, почти чёрной, и пахла железом — как запах вскрытой грудной клетки, знакомый до тошноты. Пуля задела спинной мозг, и даже если выживу — паралич нижних конечностей. Отменная ирония для нейрохирурга.

Но это и то, если выживу. А судя по тому, как затихает сердце, шансов у меня нет.

Сознание дрейфовало. Звуки стали глухими, краски — размытыми, как на старом рентгеновском снимке. Спецназовцы суетились, матерились, вызывали медиков. Поздно. При такой кровопотере — десять минут до остановки сердца это максимум. Скорая стопудово не успеет: окраина, пробки.

Я умирал.

И тогда я сделал то, что запрещал себе все эти годы.

Я открыл пси-контур.

В мозгу каждого человека существуют структуры, которые официальная наука считает рудиментарными. Эпифиз, гипоталамус, отдельные участки ретикулярной формации. Мы задействуем их на жалкие пять процентов. Но если знать, куда надавить, какой импульс послать...

Я годами изучал это на других. Ломал, программировал, калечил. Но на себе — никогда. Слишком высок риск: можно было выжечь собственную личность буквально дотла.

Сейчас мне терять было уже нечего.

Закрыв глаза и послал импульс в ту область, где, согласно моим картам, находилась точка перехода. Точка, за которой сознание либо ломается, либо...

И мир взорвался.

Нейрошок прокатился по телу волной чистого огня. Каждая клетка закричала, мозг затопило коктейлем из эндорфинов и адреналина. Я чувствовал, как рвутся синаптические связи, как плавятся нейронные цепи, как умирает личность, которую я конструировал сорок три года. Доктор Артур Мазурян умирал на грязном кафеле подвальной лаборатории, а вместо него рождалось нечто иное.

Сознание вырвалось из тела. Я видел комнату сверху — свой труп, бегущих спецназовцев, подполковника, распятого на операционном столе. Потом здание — старый морг с облупившейся штукатуркой, как короста на теле города. Потом Москву — утреннюю, серую, равнодушную. Потом планету — голубой шар в чёрной пустоте.

А затем реальность схлопнулась.

Я падал сквозь нечто, чему нет имени. Сквозь цвета, которых не видят глаза, сквозь звуки, которых не слышат уши, сквозь время, которое текло в обе стороны одновременно. Сингулярность. Точка, где кончается физика и начинается...

Что?

Передо мной вспыхнули образы. Мир, залитый багровым небом — словно рана, которая никогда не затянется. Испо-

линские машины, шагающие по мёртвым городам, — механические божества, оставляющие в земле кратеры-следы. Люди, поклоняющиеся им как иконам. Семь женских силуэтов, сияющих ослепительным светом. И голос, произносящий слова на языке, которого я никогда не слышал.

А потом резко тишина. Глубокая, как наркоз.

Я открыл глаза.

Надо мной висело красное небо. Багровый бархат, натянутый на рёбра мёртвого мира. Воздух был плотным, густым — субстанция, которую не вдыхаешь, а скорее пьёшь.

Я лежал на бетонном полу. Потрескавшийся, с какими-то пятнами и местами проросшим мхом — словно кожа покрытая язвами. Где-то далеко грохотал гром, или что то очень на него похожее. Возможно, тектоническая активность, возможно — выстрелы.

Тело совершенно не слушалось. Я кое-как поднял руку и увидел ладонь, которая точно не была моей. Слишком молодая кожа, слишком длинные пальцы, шрам на запястье — тонкий, как след от хирургической нити. Не мой шрам. Не моё тело.

Я заставил себя сесть. Голова дико закружилась, и перед глазами поплыли багровые пятна. Переждал, пока вестибулярный аппарат адаптируется к новому носителю, и огляделся.

Ангар. Полуразрушенный склеп из бетона и ржавых ферм. Свет проникал через пробойны в крыше — багровый,

неестественный, словно смотришь на мир сквозь красные очки.

Рядом лежали тела. Три мужских особи в одежде, напоминающей нечто среднее между военной формой и ритуальным облачением. У двоих головы были размозжены — аккуратная работа, как будто черепа вскрыли пилой. Третий ещё дышал: хрипло, со свистом, точно было пробито лёгкое. Из раны сочилась розовая пена.

Я подполз к нему. Обыскал — нож, зажигалка, мятая пачка каких-то сигарет без маркировки. И коммуникатор — прозрачная пластина, активировавшаяся от касания. На экране вспыхнули символы. Чужой язык, но мозг — или то, что теперь стало моим мозгом, — как будто понимал.

«Сообщение от Куратора: Объект 734-М активирован. Пси-потенциал высокий. Носитель совместим на 94%. Рекомендация: немедленная доставка в Круг. Координаты прилагаются.»

Я отбросил коммуникатор. Круг. Носитель. Терминология чужого мира, нихера не ясно, но суть я видимо ухватил не своим мозгом. Я изучал пси-потенциал двенадцать лет — просто в старом мире это было скрыто под грифом «совершенно секретно». А здесь пожалуйста, все открыто. Здесь это, видимо, основа иерархии.

Я встал, но ноги держали плохо, но всё же держали. Подошёл к листу металла, прислонённому к стене, взгляделся в мутное отражение.

На меня смотрел юноша лет двадцати, может двадцати трех. Чёрные волосы, серые глаза, острые скулы — лицо, которое можно было-бы назвать аристократическим, если бы не свежий порез на левой щеке. Одет в ту же форму, что и трупы: куртка с какой-то эмблемой на рукаве, три concentрических круга, штаны, ботинки на толстой подошве.

Я провёл ладонью по лицу. Отражение повторило жест. Чужое лицо, чужая кожа, чужой шрам. Но за этими глазами — моё сознание, влетевшее в мёртвый мозг, как пуля в мишень.

Помните старый медицинский анекдот? «Доктор, я буду жить?» — «А смысл?»

Смысла не было. Но была злость — холодная, дистиллированная, как чистый адреналин. Злость на щенка Ковалёва, на заказчиков, на весь этот мир, решивший, что Артур Мазурян теперь расходный материал.

Я выжил. Вопреки всему. В чужом теле, в чужом мире, но выжил. И теперь...

Снаружи слышался рокот двигателей. Я осторожно выглянул в пробоину.

К ангару приближались три машины — военные вездеходы без верха, с пулемётами на турелях. На бортах — та же эмблема, что у меня на рукаве. Значит, получается свои? Или те, кто считает себя своими?

Быстро обыскал остальные тела. У одного — пистолет: массивный, хромированный, с индикатором заряда на руко-

яти. Судя по шкале, энергии осталось на четыре выстрела. У второго — аптечка с неизвестными препаратами. У третьего был какой-то планшет с картой.

Вездеходы остановились. Из первого вышли трое: офицер и двое солдат с автоматами. Офицер двинулся к ангару, солдаты замерли у машин, держа оружие наизготовку.

Я выпрямился и вышел навстречу багровому свету. Пистолет пока спрятал за пояс.

— Объект 734-М? — спросил офицер отрывисто. — Доложи обстановку.

Говорил он на том же языке, что и надпись на коммуникаторе. Но я понимал. Мозг носителя хранил лингвистические матрицы, даже если сам носитель уже мёртв.

— Объект активирован, — ответил я. — Охрана мертва. Противник ликвидирован.

Офицер кивнул, не удивившись. Подошёл ближе — лет сорока пяти, лицо дублёное, глаза цепкие, оценивающие. На груди висел значок: три концентрических круга из тусклого металла.

— Пси-индекс?

— 7-А, — повторил я данные с коммуникатора.

— Недурно, — усмехнулся офицер. — Весьма недурно для сироты из Периферии. Его Сиятельство будет доволен.

Сиятельство. Пазл складывался в картину феодального мира, где пси-способности видимо маркер крови, а титулы скорее всего приговор.

— Следуй за мной, — офицер развернулся. — Доставим тебя в Усадьбу. Князь лично желает лицезреть носителя с таким мощным потенциалом.

— А тела? — я кивнул на трупы.

— Оставь их. Уберут без тебя.

Я пошёл за ним к машине. Солдаты расступились, как перед заразным: один смотрел с любопытством, второй — с опаской. Боятся. Значит, пси-индекс 7-А — это серьёзная заявка на место в иерархии. Уже легче.

Я сел на заднее сиденье. Вездеход тронулся, взметнув клубы рыжей пыли. Пейзаж, проплывавший мимо, напоминал какой-то жуткий апокалипсис, мёртвая земля с пятнами ржавчины, остовы исполинских механизмов, застывших в неестественных позах, руины зданий с выпотрошенными внутренностями. И вдобавок ко всему красное небо, которое давило как свинцовая плита.

— Впервые в Центральных? — спросил офицер, не оборачиваясь.

— Впервые, — это была почти правда.

— Привыкай. Периферия это сточная канава, а здесь — жизнь. Если повезёт, войдёшь в Круг. С твоим индексом могут взять в младшую дружину. А там, глядишь, и до личной гвардии Его Сиятельства дорастёшь.

— А если не повезёт?

Офицер хмыкнул, и звук этот был похож на скрежет скальпеля по кости.

— Тогда станешь батареей. Из тебя выжмут пси-потенциал досуха, а остатки скормят псам.

Солдаты заржали. Я откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Значит, вот как устроен этот мир. Аристократы видимо псионики, простолюдины просто топливо. Тех, у кого есть дар, берут в Круги. Тех, у кого нет, — в расход. Красивая, законченная система. Почти как в старом мире, только честнее.

В кармане завибрировал коммуникатор. Достал, взглянул на экран. Новое сообщение, без подписи, без идентификатора:

«Ты не Объект 734-М. Ты тот, кто занял его тело. Мы знаем, кто ты.»

Стёр сообщение и выключил устройство.

Кто-то что-то знает. Кто-то понимает природу сингулярности. И этот кто-то либо хочет помочь, либо готов использовать. В любом случае это уже интересно.

Вездеход катил мимо остовов мёртвых исполинских мехов, лежащих, как дохлые динозавры, проржавевшие и опутанные проводами-сухожилиями. В глазницах некоторых ещё теплился свет — реакторы, не до конца угасшие. Интересно, какая война здесь бушевала и кто вышел из неё победителем.

Впереди показалась Усадьба. Я ожидал увидеть нечто вроде замка, зубчатые стены, башни, шпили, но это был бун-

кер, выросший в землю. Бетонные стены с амбразурами, система ПВО на крыше, антенны, ловящие невидимые сигналы. По периметру — три ряда колючей проволоки, поблёскивающей искрами под напряжением. Верный признак паранойи, а не военной мощи.

Ворота разошлись. Вездеход въехал во внутренний двор, вымощенный плитами из прессованного техногенного мусора. У стен замерли малые мехи — двухметровые экзоскелеты с пулемётами вместо предплечий. Техника попроще, но тоже производит впечатление.

— Выходи, — скомандовал офицер.

Я вышел. Двор патрулировали дружинники в тяжёлой броне с той же эмблемой Круга, что у меня на рукаве. Но у них она светилась — знак принадлежности к клану, а не метка объекта. Объекта. Полезно запомнить этот термин. Здесь я пока не человек.

Меня провели внутрь. Коридоры, лампы дневного спектра, и запах машинного масла. Где-то глубоко под землёй гудели генераторы — сердце Усадьбы, качающее энергию по кабельным артериям.

Офицер привёл меня в комнату без окон. Стол, два стула, зеркало на стене — одностороннее, без сомнений. Камера под потолком. Медицинский сканер в углу — архаичный, но, судя по интерфейсу, весьма функциональный.

— Жди, — бросил офицер и вышел.

Я сел на стул, откинулся к стене, вытянул ноги. Тело слу-

шалось всё лучше. Молодое, сильное, с отменной реакцией — не чета моему прежнему, сорокатрёхлетнему, с гастритом, радикулитом и минус четырьмя диоптриями.

Но главное — не тело. Главное это все таки мозг. Я ощущал нечто странное. Будто в затылке открылась дверь, которой раньше не существовало. Будто я могу потянуться через неё и коснуться чего-то... чужого. Пси-индекс 7-А. Что это значит по местной шкале — пока не очень понятно, но судя по реакции офицера, это серьёзно.

Дверь открылась и вошёл человек.

Вот тут я понял сразу: Князь. Не по одежде — одет он был в простой серый комбинезон без отличительных знаков. По манере держать спину. По взгляду. По тому, как воздух вокруг него уплотнился, словно перед грозой.

Лет пятидесяти. Сухое лицо, короткая седая борода, глаза — два осколка льда, вправленные в глазницы с точностью хирурга. Он сел напротив, сложил руки на столе. Смотрел на меня молча, изучающе. Я отвечал ему тем же.

Пауза затягивалась все дольше.

— Ты не Объект 734-М, — произнёс он наконец.

Я не дрогнул.

— Я тот, кто активировался в его теле.

— Не лги, — Князь чуть подался вперёд. — Сканер демонстрирует две сигнатуры. Одна — остаточная, гаснущая, принадлежит прежнему носителю. Вторая — активная, стабильная. Ты вторгся в мёртвое тело и перезапустил мозг. Ди-

агноз: прорыв Сингулярности.

Я молчал.

— Это невозможно, — продолжал он, и в голосе его звенел холод, как в морге. — Ни один псионик Седьмого круга не способен на такое. А ты, судя по сигнатуре, вообще не обучен. Кто ты такой?

— Доктор, — ответил я спокойно. — Нейрохирург. Специалист по картографированию подкорковых структур.

Князь прищурился.

— Доктор. Любопытно. Из какого мира?

— Из того, где пси-потенциал считают мифом, а нейрохирургию просто ремеслом.

Он не удивился. Кивнул, подтверждая собственные догадки.

— Прорыв Сингулярности. Редчайший феномен. За последнее столетие — третий задокументированный случай. Предыдущие двое оказались пустышками, их индекс не превышал двух единиц. А ты... — он сделал паузу, и в ней повисло что-то похожее на уважение. — Семь-А.

— Семь-А, — эхом повторил я. — Это хорошо или плохо?

— Это значит, — Князь поднялся, — что ты либо станешь ценнейшим активом моего Круга, либо умрёшь в ближайшие сутки. Третьего не дано.

Я усмехнулся. Всё как в старом мире. Либо ты полезен системе, либо ты труп.

— Допустим, я выбираю первый вариант. Что дальше?

— Испытание, — он направился к двери. — Я должен увидеть, на что ты способен. Если ты действительно сумеешь применить свои навыки здесь, хорошо. Если нет...

Договаривать он не стал. Бросил через плечо:

— Завтра, восемь утра. Медицинский корпус, третий подуровень. Тебя проводят.

И вышел.

Я остался один. Посмотрел на своё отражение в зеркале. Тело человека, которого убили те трое. Или четверо. Или сколько их там было — неважно. Важно то, что я снова должен доказывать свою пригодность. Снова выживать.

Но теперь у меня есть преимущество. Я знаю, как устроен мозг. Знаю, где расположены точки перехода. Знаю, как ломать — и как исцелять.

А ещё я знаю, что пси-способности — это просто нейрофизиология. Никакой магии. Только электрические импульсы в сером веществе. И если местные аристократы называют это даром, то они даже не представляют, что можно сотворить с их способностями, если подойти к ним по научному.

Я улыбнулся своему отражению. Улыбка вышла так себе, наверное не буду больше улыбаться.

Раздался стук в дверь и вошёл давешний офицер.

— Следуйте за мной, господин Инвертор. Покажу ваши покои.

Я отметил обращение. «Господин Инвертор». Уже не «объект». Статус растёт.

Пошёл за ним по коридору, запоминая повороты, расположение камер, посты охраны. Никогда не знаешь, когда придётся бежать — или когда придётся убивать.

Комната оказалась крохотной, но чистой. Койка, стол, шкаф, санузел за перегородкой. На столе — поднос с едой: каша, напоминающая запаренный комбикорм, кусок мяса неясного происхождения, стакан воды. Съел всё, не ощущая вкуса. Телу очень требовалось топливо, и поэтому капризничать точно не стоило.

Потом я лёг на койку и уставился в потолок.

Итак. Новый мир. Красное небо, мёртвые мехи, застывшие в неестественных позах. Аристократы-псионики, пьющие энергию из низших. Я — в теле парня с высоким индексом. Пока видимо в самом низу иерархии, но с потенциалом подняться до самых верхов.

Завтра будет испытание. Нужно обязательно показать, что я полезен. Что я не «пустышка» из иного мира. Что мои знания имеют цену.

Я закрыл глаза и перед внутренним взором снова всплыли образы из сингулярности: семь женских силуэтов, сияющих как звёзды. Исполинский мех, нависающий над мёртвым городом. И голос, произносящий слова на языке, которого нет в лингвистических матрицах этого тела.

Пророчество? Галлюцинация умирающего мозга?

Не знаю. Но я запомнил эти образы. И рано или поздно я обязательно выясню, что они означают.

А пока нужно спать. Завтра будет точно трудный день.

Я заснул под гул генераторов, под красное небо, под чужую луну, которой никогда не видел прежде. И во сне я снова резал. Но не чужие мозги, а саму реальность. Кромсал её скальпелем, как опухоль, добираясь до сути. До чёрной, кровающей сердцевины этого мира.

А где-то далеко, за пределами сна, за пределами Усадьбы, за пределами Периферии и Центральных, семь фигур открыли глаза. И одна из них — та, что носила имя древнего рода, — улыбнулась.

— Он здесь, — произнесла она.

Глава 2

Пробуждение выдернуло меня из небытия ровно в шесть утра — биологические часы прежнего носителя сработали безотказно, словно таймер. Никаких будильников. Тело видимо помнило муштру каждой клеткой, и это было удобно, как хорошо отлаженный инструмент.

Завтрак принесли в шесть пятнадцать: та же серая каша, похожая на корм скота, тот же кусок мяса неясного происхождения, и вода. Добавили еще гель в тубе — безвкусную субстанцию цвета разведённой лимфы, но весьма питательную. Я съел всё, практически не ощущая вкуса. Организму требовалось топливо, а я давно относился к еде как к ресурсу: калории, белок, микроэлементы. Никакой гастрономической рефлексии.

После завтрака я пошел в душ. Вода была так себе, напор был слабым, возможно экономия ресурсов, такая знакомая по старым клиникам. Здесь даже аристократия не купалась в излишествах, когда речь шла о банальной питьевой воде. Или это просто прижимистый хозяин, считающий каждую калорию и каждый литр. Впрочем, какая мне разница? Вода смывала пот, и этого было достаточно.

Оделся в приготовленную форму: чёрная куртка, чёрные штаны, высокие ботинки на магнитных застёжках — всё сидело как влитое, будто шили по меркам, снятым заранее. На

рукаве опять эмблема, три концентрических кольца, горящих тусклым багровым светом. Так здесь наверное метили кандидатов: не полноценный член клана, а расходный материал на испытательном сроке.

Забавно. В старом мире я сам решал, кто расходник, а кто нет.

В семь сорок пять в дверь постучали. На пороге стоял тот же офицер, что сопровождал меня вчера, — выправка была безупречная. На этот раз он соизволил представиться:

— Ротмистр Громов. Следуйте за мной, господин кандидат.

— Ротмистр? — я вышел в коридор. — У вас тут что, казачьи формирования?

— У нас тут Третий Круг, — отрезал он сухо. — А вам советую придержать язык.

Я не стал умничать. Запомнил сразу: местные чувствительны к терминологии. Значит, структура Круга — наполовину военная, наполовину феодальная. Гибрид, технологии и архаика, имперский этикет и казарменная грубость.

Шли долго. Коридоры Усадьбы разворачивались передо мной, сначала бетонные, грубые, с пятнами ржавчины на стыках; потом обшитые металлом, с заклёпками, похожими на скобы; потом — пластик медицинской белизны, возможно даже стерильный. Мы спускались всё глубже, уровень за уровнем. Где-то на четвёртом подземном ярусе заработали фильтры принудительной вентиляции, и воздух стал значи-

тельно холоднее.

— Далеко ещё? — спросил я.

— Третий медицинский, — бросил Громов через плечо.
— Самое охраняемое помещение после Святилища. Шагайте молча.

Я скосил глаза: камеры через каждые десять метров, скамеры пси-активности на потолке — примитивные, но эффективные. Сеть тотального наблюдения, сплетённая из паранойи и инстинкта самосохранения. Надо быть очень осторожным. Пока они не знают, на что я способен. Да я и сам пока не знаю — но скоро наверное узнаю.

Последняя дверь оказалась герметичной — круглая, как в банковском хранилище, с биометрическим замком и механической панелью для дублирующего кода. Громов приложил ладонь к сканеру, набрал комбинацию. Загудели сервоприводы. Створки разошлись, открывая помещение очень похожее на операционную.

Она отличалась от моей старой лаборатории, никакой пробковой изоляции — здесь использовали активное шумоподавление, и тишина стояла такая, что было слышно бие-ние собственного сердца. Никаких ламп — светились сами стены, ровным холодным излучением, без теней и бликов. В центре зала возвышалось кресло, больше похожее на инквизиторскую дыбу, чем на медицинское оборудование. Титановые захваты для конечностей, система фиксации головы, гнездо для введения электродов — целый частокोल из игл,

поблёскивающих в стерильном свете.

Рядом с креслом стоял он. Надзиратель.

Мужчина лет пятидесяти, лысый, с нездоровой серой кожей, такой оттенок бывает у трупов. Глаза тусклые, как у вёрченой рыбы, ни проблеска мысли, ни отблеска воли. Одет в серую хламиду без знаков различия. Но главное было не в одежде. Главное это нейроимплант.

От висков к затылку тянулись две полосы тусклого металла, входящие прямо в кость. Я видел следы интеграции: старые шрамы, рубцы, следы хронического воспаления по краям. На затылке горел зелёный огонёк — индикатор активности.

Диагноз был очевиден: лоботомия на ходу. Грубая, кустарная работа, без намёка на изящество. Электроды вживлены напрямую в подкорковые структуры — никакой микросхемотехники, никаких лазерных интерфейсов, просто иглы, подключённые к усилителю на поясе. Имплант медленно выжигал личность носителя, превращая его в тупой, но надёжный инструмент.

— Это Надзиратель, — произнёс Громов сдавленно. — Он проведёт испытание. Садитесь в кресло.

— Что за испытание?

— Ментальный тест. Стандартная процедура для кандидатов с высоким индексом. Надзиратель считает ваш потенциал и поставит метку. Если потенциал подтвердится, то вы станете дружинником. Если нет... — пауза, наполненная под-

текстом.

— Батарейка, — подсказал я.

— Именно.

Я подошёл к креслу. Надзиратель смотрел сквозь меня — взгляд как у манекена, застывший в одной точке. Постоянное использование импланта выжгло личность, оставив только оболочку и рефлексy. Или изначально отбирали тех, у кого своей личности не было: инструмент не должен обладать волей.

Я сел. Титановые захваты автоматически защёлкнулись на запястьях и лодыжках — не больно, но с такой силой, что не дёрнуться. Голова вошла в раму, и иглы мягко коснулись кожи на висках.

— Не двигайся, — сказал Надзиратель. Голос был как механический, видимо связки атрофировались от долгого молчания. — Будет немного больно.

— Немного — это на сколько единиц по шкале? — спросил я.

— Зависит все от тебя.

Он нажал кнопку на поясе. Имплант загудел громче — трансформатор вошёл в рабочий режим. Иглы погрузились в кожу на заданную глубину. Я стиснул зубы. Неприятно, но терпимо — я переживал боли и похуже.

А потом началось.

Его пси-атака была грубой, как удар в под дых на выдохе. Надзиратель просто вломился в моё сознание, продавливая

ментальные барьеры сырой массой. Никакой техники. Никакой стратегии. Только давление, тупое, монотонное, как гидравлический пресс.

Я видел это со стороны — спасибо многолетней практике картографирования. Сознание нейрохирурга работает иначе: я мог наблюдать за вторжением, как за операцией на собственном мозге, отслеживая каждый импульс в реальном времени. Чужой пси-заряд двигался по нейронным цепям. Примитивная, прямолинейная траектория.

Надзиратель хотел поставить метку, которая позволила бы Кругу контролировать меня на гормональном уровне. Увижу эмблему Круга — выброс окситоцина, волна лояльности. Подумаю о побеге — спазм страха, парализующий волю. Дешёвая манипуляция, биохимический поводок. В старом мире я сам ставил такие штуки своим подопытным. И сам же знал, как их снимать.

Но сейчас Надзиратель реально давил. И инстинкты взяли своё прежде, чем я успел обдумать стратегию.

Пси-контур раскрылся сам — та самая дверь в затылке, которую я ощущал со вчерашнего дня, распахнулась настежь. Но вместо того чтобы выставить защиту, я ударил в ответ. Не оттолкнул чужое вторжение, а просто вцепился в него.

Ментальный захват. Классический приём нейрохирурга, только вместо электродов — голая воля. Я ухватился за пси-импульс Надзирателя, как за кровоточащий сосуд, и резко

потянул на себя.

Надзиратель захрипел. В его глазах впервые за долгое время мелькнуло нечто живое — дикий ужас, чистый как плазма на предметном стекле. Он попытался разорвать контакт, но было уже поздно. Я уже вошёл в его сознание, и выгнать он меня уже точно бы не смог.

Это напоминало операцию — только без скальпеля, без перчаток, без стерильного стола. Его память лежала передо мной, как открытая анатомическая карта: слои за слоями, структуры за структурами. Детство в Периферии — кислые дожди, разъедающие кожу, смерть родителей от лучевой лихорадки. Отбор в Круг — унижительные тесты, крики, боль. Вживление импланта — треск сверла, входящего в височную кость, запах палёной надкостницы. Годы службы — бесконечная череда лиц, которые он проверял, метил, ломал, одну за другой.

Я шёл по его сознанию, и везде оставлял пустоту. Я не просто стирал воспоминания, я высасывал их, как вакуумный насос огромного давления. Каждый его навык, каждый рефлекс, каждая капля личности перетекала в меня.

Это было опьяняюще. Сравнимо с тем, что я испытывал, препарируя сознание подполковника, но усиленное тысячекратно. Чистая, дистиллированная власть. Абсолютный контроль над чужим «я».

Надзиратель дёрнулся и из горла вырвался булькающий звук — воздух выходил из лёгких, как из проколотой шины.

Зелёный огонёк на затылке замигал быстро быстро.

Я продолжал пить.

Вот он впервые надел серую хламиду. Вот получил звание Надзирателя Третьего Круга. Вот его первый подопытный — юноша, словавшийся через минуту, и обмочившийся от боли. Вот допрос пленного из Пятого Круга — он вытягивал информацию, каплю за каплей, пока мозг пленного не превратился в кашу.

А вот и Святилище.

Я замер. Эта память была особенной — охраняемой, законсервированной под слоями ментальных блоков. Надзиратель попытался закрыть её, но сил уже просто не осталось: его сознание утекало, как вода из пробитого сосуда.

Святилище открылось передо мной во всей своей мрачной монументальности. Огромный зал, уходящий во тьму так далеко, что стены терялись в сумраке, — стены, обшитые чёрным камнем, поглощающим свет и звук. В центре, на возвышении из того же чёрного минерала, стоял алтарь. А на алтаре — Мех.

Не боевая машина, а женская фигура из металла и плоти — синтез, от которого веяло ужасом и древним величием. Три метра высотой. Глаза закрыты, руки сложены на груди, как поза покойницы, приготовленной к погребению. Вокруг — семь жриц в белых балахонах, застывших в ритуальном безмолвии.

Их лица скрыты капюшонами. Но одна стоит впереди, вы-

ше остальных. Главная. Верховная Жрица.

Она поворачивается — движение медленное, церемониальное. Капюшон падает на плечи, открывая лицо: молодое, с резкими чертами. Чёрные волосы собраны в тугий узел, перехваченный серебряной нитью. Глаза как два осколка льда, вправленных в глазницы с аристократической точностью. Семейное сходство с Князем очевидно — та же кость, та же линия скул, та же холодная надменность.

Но я смотрю не на глаза. Я смотрю на губы. На то, как они изгибаются в усмешке — знакомой до дрожи, до спазма в подкорке. На то, как она произносит слова, и голос её звучит, как камертон, по которому настраивают саму реальность:

— Объект 734-М активирован. Начинайте отслеживание. И её голос...

Я знаю этот голос. Он не из этого мира, он точно из моего. Из старой жизни. Я слышал его раньше. Много раз. Но где? Когда? Почему звук этого голоса вызывает у меня учащение пульса?

Память Надзирателя кончилась. Я выпил её до самого дна — последние капли, обрывки, шум, серый туман небытия. Тело Надзирателя выгнулось в последней судороге и обмякло на полу. Имплант на затылке погас окончательно — только слабый дымок поднимался от перегоревших контактов.

Я открыл глаза. Стальные захваты всё ещё держали меня в кресле. Иглы торчали из висков — капли крови скатились по щекам, смешавшись с потом. А вот Надзиратель обделал-

ся в момент смерти, как это часто бывает с теми, чей мозг отключается раньше сфинктеров.

Громов стоял у стены, прижавшись спиной к холодному пластику. Лицо его приобрело странный оттенок, серое и не здоровое. Рука лежала на кобуре, пальцы дрожали на застёжке, но пистолет он так и не вытащил — видимо, не мог решить, является ли стрельба по мне уместным ответом на происходящее.

— Что... что вы сделали? — выдавил он.

— Инверсию, — ответил я спокойно, как если бы речь шла о рутинной манипуляции. — Он хотел поставить метку. Я не люблю, когда в моей голове копаются посторонние.

— Вы же убили его! Надзирателя! Человека Третьего Круга!

— Он первым вторгся в моё сознание. Я лишь защищался.

Громов сглотнул. Кадык дёрнулся, а пальцы на рукояти дрожали всё сильнее. Он был опытным солдатом, но такое явно видел впервые. Надзирателей боялись все. А тут какой-то кандидат, вчерашний сирота из Периферии, просто взял и выжег одного дотла.

— Отпустите меня, — сказал я ровно. — Испытание окончено.

— Это не мне решать, — Громов нажал кнопку коммуникатора на воротнике. Голос его дрожал, но дисциплина перебила панику. — Говорит ротмистр Громов. Третий медицинский. Чрезвычайная ситуация. Надзиратель мёртв. Объ-

ект 734-М... объект активен. Запрашиваю дальнейших указаний.

Коммуникатор затрещал помехами. Потом — голос, сухой и властный, как приговор:

— Объект не трогать. Оставаться на месте. Его Сиятельство будет через пять минут.

Князь явился через четыре.

Дверь гермошлюза разошлась с низким гудением сервоприводов. Волконский вошёл в операционную стремительно, без колебаний, и без лишних движений. За спиной его маячили двое дружинников в полном боевом облачении. Сам Князь был не в сером комбинезоне, как вчера, а в бронекостюме с эмблемой Круга на груди, три кольца, горящие алым. На поясе, в ножнах из чёрной кости, покоился плазменный меч. Серьёзное оружие. Значит, он воспринял ситуацию как угрозу — возможно, даже как угрозу лично себе.

Он окинул взглядом операционную: труп Надзирателя на полу, лужа мочи, расплзающаяся по полу; Громова, вжавшегося в стену; меня в кресле, с иглами, всё ещё торчащими из висков, и каплями крови на щеках.

— Отключить фиксаторы, — приказал он.

Дружинник шагнул к пульту, нажал кнопку. Захваты раскрылись с тихим щелчком. Я встал, потянувшись, как хирург после долгой операции. На коже выступили капли крови, но раны уже затягивались — ускоренная регенерация, ещё один бонус этого молодого, сильного тела.

Князь смотрел на меня. Я смотрел на Князя.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — спросил он наконец.

— Защищался. Он вторгся в моё сознание.

— Ты сожрал его. Выпил досуха, как опустошают бутыль с вином. Это не защита. Это атака. Причём атака такого уровня, какого я не наблюдал со времён Войны Мехов.

— Я предупреждал, — я стёр кровь с виска тыльной стороной ладони. — Я нейрохирург. Я работаю с мозгом. Ваш Надзиратель просто дилетант. Грубая сила, никакой техники, никакого изящества. Он вломился в мою голову, как слон в посудную лавку. А я ему просто ответил, скажем так, профессионально.

Князь усмехнулся. Усмешка была слишком холодной, и такой же опасной.

— Дилетант, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Ты назвал дилетантом человека, который за пятнадцать лет службы не провалил ни единого испытания. Который держал в страхе весь Третий Круг. Который ломал пленных из Пятого и Шестого Кругов, как сухие ветки. Дилетант.

— Он давил массой, — я пожал плечами. — Я видел его технику изнутри, пока выпивал его память. Никаких обходных путей, никаких ментальных ловушек, никакой работы с нейронными цепями. Только давление — тупое, прямое, линейное. Против подготовленного сознания это абсолютно бесполезно.

— Подготовленного, — Князь прищурился. — Ты гово-

ришь о себе.

— Я двенадцать лет изучал, как работает мозг. Как ломать и как защищать. Ваш Надзиратель ни разу не встречал сопротивления, потому что здесь никто не обучен защищаться. А я обучен. Это моя специализация.

Волконский молчал. Я почти физически ощущал, как в его черепе вращаются шестерёнки расчёта. Он был не просто аристократом — он был стратегом, и сейчас просчитывал варианты с той же холодной методичностью, с какой я уколошил Надзирателя.

— Ты опасен, — произнёс он наконец. — Опаснее, чем я предполагал вначале. Семь-А — это не просто высокий индекс. Это потенциал уровня Великих Домов. Если бы ты родился в аристократической семье, то сейчас заседал бы в Совете Архитекторов. Но ты — пришелец. Аномалия. Незвестная переменная в выверенной схеме.

— И каков вердикт? — спросил я прямо. — Ликвидируете угрозу?

— Должен бы, — Князь прошёлся по операционной, обходя труп, как обходят лужу на дороге. — По всем протоколам — должен. Пришелец с неизвестным потенциалом, способный убить Надзирателя ментальной инверсией, — это угроза Кругу, угроза иерархии, угроза всему порядку.

Он остановился.

— Но у меня проблема. Седьмой Круг перешёл в наступление. Их разведчики уже прощупывают границу Перифе-

рии. Через месяц, возможно даже раньше, здесь будут их Властелины. А у меня остался всего один Надзиратель. Точнее — было то их два, но теперь уже один.

— Сочувствую вашей кадровой проблеме, — сказал я без тени смущения.

— Мне не требуется сочувствие. Мне требуется боец. Тот, кто сможет противостоять ментальным атакам Седьмого Круга. У них Надзиратели девятого уровня и выше. Мои против них — всё равно что собаки против медведя.

— И вы желаете использовать меня в этом качестве.

— Желаю, — он не стал юлить. — Ты только что доказал, что способен на ментальную инверсию. Это навык уровня Архитекторов, уровень, который здесь, в Третьем Круге, считается почти мифическим. Если я брошу тебя в бой против Седьмых — у меня, возможно, появится шанс выстоять.

— А если я откажусь?

— Тогда я выполню протокол. Ликвидирую угрозу. Не сразу — сначала постараюсь выкачать из тебя всё, что возможно: знания, методики. Но результат будет все равно один. Ты умрёшь на этом самом операционном столе.

Я обдумал варианты. Отказ — смерть. Согласие, скорее всего, просто отсрочка. А в отсрочке всегда можно найти третий путь — это я усвоил ещё в своей подвальной лаборатории.

— Хорошо, — сказал я. — Я поработаю на вас. Но с условиями.

— С условиями? — бровь Князя изогнулась. — Ты не в том положении, чтобы ставить условия, Инвертор.

— В том, — я кивнул на труп Надзирателя. — Я только что уничтожил человека, которого вы считали ценным активом. Значит, я ценнее. А ценные активы всегда могут торговаться. Это азы рыночной экономики.

Волконский усмехнулся снова — на этот раз почти с уважением.

— Говори.

— Первое: я не ношу метку. Никаких якорей, никаких программ лояльности, никакой гормональной привязи. Я работаю на вас как наёмник, а не как дрессированное животное.

— Допустим.

— Второе: полный доступ к информации. Я хочу знать всё о Святилище, о Верховной Жрице и о том, что такое Семь Сестёр.

Князь замер. Лицо его окаменело в одно мгновение — желваки проступили, как узлы на перетянutom жгуте.

— Откуда тебе известно о Святилище?

— Из памяти вашего Надзирателя, — ответил я ровно. — Я же сказал: я выпил его досуха, до последней капли. Теперь его знания — мои знания. Его воспоминания — мои воспоминания. Всё, что он видел, всё, что он слышал, всё, что он боялся, — теперь здесь. — Я коснулся пальцем своего виска. — И там, в его памяти, есть Святилище. И есть она. Верхов-

ная Жрица.

Волконский выругался — длинно, многоэтажно, с использованием терминов, которые явно не предназначались для посторонних ушей. Дружинники за его спиной переглянулись с явным изумлением: видимо, редко видели Князя в таком состоянии.

— Информация о Святилище является закрытой, — сказал он резко. — Даже для членов Круга второго ранга. Её разглашение карается смертью — медленной, мучительной, публичной.

— Тогда считайте это моим последним желанием, — я позволил себе лёгкую усмешку. — В конце концов, что вы теряете? Если я сдохну в бою против Седьмого Круга — эта информация умрёт вместе со мной. Если выживу — буду лучше понимать противника. В любом случае, это в ваших интересах.

Князь думал. Долго. Минуту. Две. Три — по моим внутренним часам, которые тикали с точностью электронного таймера.

Наконец кивнул — коротко, отрывисто.

— Хорошо. Ты получишь доступ к базовому досье. Но не более. Всё остальное — только с моего личного разрешения и после того, как докажешь свою полезность на поле боя.

— Договорились, — я протянул руку.

Волконский посмотрел на мою ладонь, как смотрят на что-то удивительное и пожал — с силой, рассчитанной ровно

на то, чтобы напомнить о его статусе. Ладонь была твёрдой, как дерево, — рука воина, а не кабинетного стратега.

— С этого момента ты — дружинник Третьего Круга, — произнёс он. — Вне формальной иерархии. Подчиняешься лично мне, и только мне. Твоё кодовое имя — Инвертор. Запомни его. И заставь других тоже запомнить.

— Инвертор, — повторил я, пробуя слово на вкус. — Звучит как прозвище психопата.

— Ты и есть психопат, — Князь развернулся к выходу. — Громов, проводить новобранца в казармы. Завтра начинаем тренировки. Настоящие тренировки.

Он вышел. Дружинники подхватили труп Надзирателя и вынесли его, как выносят отработанный материал. Мы с Громовым остались вдвоём.

— Ну вы даёте, господин Инвертор, — выдохнул ротмистр, когда дверь гермошлюза закрылась. — На моей памяти ещё ни один кандидат не торговался с Его Сиятельством и не выживал после этого.

— С почином, — ответил я. — Ведите в казармы. Мне нужно набить брюхо и дать мозгу переработать поглощённую информацию.

Казармы располагались на втором подземном уровне — длинный зал с рядами коек, рассчитанный человек на пятьдесят. Сейчас занято было меньше половины: остальные дружинники несли службу на поверхности или патрулировали Периферию. Воздух пах металлом, оружейной смазкой и

мужским потом — знакомый запах любой казармы, будь то в старом мире или в этом.

Мне выделили койку в дальнем конце, у стены, — стратегически удобная позиция: спина прикрыта, обзор максимальный. Соседом оказался молодой парень с нашивками младшего дружинника — худощавый, с нервными пальцами и бегающим взглядом. Увидев меня, он побледнел так, что стали видны вены под кожей.

— Вы тот кто, — произнёс он шёпотом, и в шёпоте этом смешались страх и почти религиозный трепет. — Который Надзирателя...

— Я Инвертор, — перебил я. — Запомните это имя.

— Инвертор, — эхом повторил парень. — А я Санин. Просто Санин, младший дружинник.

— Рад знакомству, Санин. Дай чегонибудь пожрать.

Он протянул мне паёк — прессованный батончик, воду в пластиковой фляге, витаминный гель. Я съел всё это буквально за минуту.

— Как это — убить Надзирателя? — спросил Санин, когда я покончил с пайком. — Они же... они же элита. Они подчиняются только Князю. Их все боятся.

— Элита, — я хмыкнул. — Элита — это те, кто умеет думать, а не продавливать. Ваш Надзиратель был просто тупым инструментом. Тупой инструмент иногда ломается.

Санин замолчал, переваривая услышанное. Потом набрался смелости и спросил:

— А правда, что вы из другого мира?

— Правда.

— И как там? В том, другом мире?

Я задумался на мгновение. Как описать реальность, где небо синее, а дождь не разъедает кожу? Где нет аристократов-псиоников? Где люди убивают друг друга просто так, без магии, из чистой, незамутнённой жадности?

— Так же, — ответил я коротко. — Только небо другое.

Санин не стал расспрашивать дальше. То ли понял, то ли побоялся — я не стал выяснять. Лёг на койку, заложил руки за голову, уставился в серый потолок. Где-то под сводами черепа крутилось, как заезженная пластинка: голос Верховной Жрицы.

Я знаю его. Знаю до мутации, до нейронной дрожи. Но откуда? Из какого слоя памяти, из какой глубины прошлого он всплывает?

Женщина. Чёрные волосы. Ледяные глаза. Голос, от которого в груди что-то сжимается — не страх, нет, что-то иное. Что-то, чему я пока не могу подобрать диагноза. Бывшая любовница? Нет. Серьёзных отношений у меня не было — только случайные связи, короткие, и такие же безличные. Коллега? Возможно. Но кто? В Первом меде работали сотни врачей, и я ни с кем не сближался настолько, чтобы запомнить голос на таком глубинном уровне.

Пациентка? Одна из тех, кого я ломал и программировал в подвале старого морга? Десятки лиц, сливающихся в серую

массу, десятки голосов, кричащих, умоляющих, сдающихся.

Я закрыл глаза. Память Надзирателя всё ещё переваривалась где-то в глубинах мозга — чужие воспоминания, чужие навыки, чужие страхи оседали в нейронных сетях, как осадок в пробирке. Я мог вытащить из них что угодно — нужно только время, концентрация и желание.

Но голос Верховной Жрицы ускользал, как сон после пробуждения. Ничего. У меня ещё будет время. Я узнаю, кто она. Почему её лицо кажется мне смутно знакомым. Почему её голос запускает во мне химическую реакцию, которую я не могу классифицировать.

А пока нужно поспать. Завтра тренировки. Потом — война с Седьмым Кругом. Потом — ответы на вопросы, которые пока даже не сформулированы.

Я усмехнулся в темноту, и усмешка эта была уж сильно кривой.

Ладно. Плевать мне на ваши турниры и междоусобицы. Я тут в свои игры играю. В игры, правил которых никто, кроме меня, пока не знает.

И заснул — без снов, без видений, без голосов из прошлого. Только красное небо за плотно закрытыми веками, только гул генераторов, только мерный пульс этого умирающего мира.

Глава 3

Память Надзирателя осела в моём мозгу, как отравленная вода в колодце. Я перебирал её осторожно, слой за слоем, — словно врач, отделяющий здоровое от мёртвого. Полезные фрагменты: карты подземных уровней, расписание смены караулов, коды доступа к дверям. Мёртвый шум: чужие страхи, чужие привычки, чужая преданность Кругу — всё это я отсекал, как отсекают что-то ненужное и омертвевшее.

И одна жемчужина в грудe мусора: по средам, ровно в три часа ночи, проводилась плановая перезагрузка основного реактора. На двенадцать минут Усадьба переходила на резервное питание. Сканеры мозговой активности отключались. Двери разблокировались — правила безопасности требовали свободного выхода при отказе энергии.

Картина была ясна: двенадцатиминутное окно уязвимости, которым мне нужно было воспользоваться.

Я прикинул: сегодня понедельник. Два дня на подготовку мне вполне должно хватить.

Два дня я потратил не зря, я тренировался с дружинниками, выполнял приказы ротмистра Громова, сидел на лекциях по тактике Кругов. Два дня изображал послушного новобранца — ел паёк, бегал кроссы по подземным переходам, стрелял из плазмобоя в тире. Показал самый средний результат. Не привлекал лишнего внимания.

В понедельник ночью я вытащил из памяти Надзирателя схему связи. Во вторник — расположение патрулей и точное время смены караула у восточного технического выхода. Во вторник вечером я уже знал маршрут до последнего поворота, до каждой камеры, до каждого спящего датчика.

А во вторник ночью ко мне подсел Санин.

Он опустился на край моей койки, как садятся не к соседу по казарме, а к священнику. Глаза смотрели в сторону, но всё в его позе кричало о напряжении.

— Ты что-то задумал, господин Инвертор, — произнёс он тихо.

— С чего ты взял?

— Ты не смотришь по сторонам. Все новобранцы обычно крутят головой, как мыши в банке, или как попавшие в новую клетку. А ты ведешь себя по другому. Как будто ты уже всё высмотрел. Как будто ты уже не здесь.

Я промолчал. Тишина была лучшим инструментом в таких случаях — она вскрывала намерения собеседника лучше любых вопросов.

— Я не сдам, — сказал он ещё тише. — Мне самому тошно. Веришь?

— Не верю, — ответил я ровно. — Доверие для меня просто химическая реакция, а у меня она к сожалению отсутствует.

— И правильно. — Санин криво усмехнулся. — Но я правда не сдам. Просто... если у тебя получится, запомни:

Санин из Четвёртого сектора тебе должен.

— Какой еще долг?

— Я видел, как ты Надзирателя убил. — Его голос упал до шёпота, и в этом шёпоте звенело что-то древнее, родовое. — Он моего брата... — Санин запнулся, желваки прокатились под кожей. — Неважно. Просто знай это.

Я кивнул. Ничего не обещал. Но запомнил.

Среда. Два часа пятьдесят восемь минут ночи по внутренним часам Усадьбы. Я лежал на койке в казарме, полностью одетый, и максимально сосредоточенный. Под подушкой лежал плазмобой, взятый из тира. В маленькой сумке был нож, зажигалка, сухой паёк на три дня. Коммуникатор я выбросил ещё в понедельник — по нему за мной следили, это было очевидно. Вместо него взял блокнот Надзирателя: бумага, надёжная, не оставляющая никаких цифровых следов.

В три ноль-ноль лампы мигнули. Основной свет погас, и казарма провалилась в красноватый полумрак аварийных ламп. Взыла сирена — звук был низкий, утробный, как дыхание огромного зверя. Динамик прохрипел: «Внимание. Плановая перезагрузка реактора. Всему персоналу сохранять спокойствие. Длительность — двенадцать минут».

Я сразу встал.

— Ты куда? — сонно пробормотал кто-то из темноты.

— В сортир. Живот что-то прихватило.

Шагал я быстро, но не бежал. Бегущий всегда привлекает внимание — это закон. По коридору — налево, потом напра-

во, потом вниз по лестнице. Маршрут, который я прокручивал в голове двое суток, отпечатался в мозгу, как гравировка. Восточный технический выход. Им пользовались только ремонтники. В три ноль-пять там не будет никого — смена караула заканчивалась в три десять.

Навстречу попался патрульный с фонарём.

— Куда направляетесь? — окликнул он.

— Послание от ротмистра Громова, — я подошёл ближе.
— Срочное.

— Какое ещё...

Я ударил пси-импульсом, просто чтобы усыпить. Короткий, точный укол в мозг, туда, где отключается сознание. Патрульный обмяк мгновенно, как человек потерявший сознание. Я подхватил его, прислонил к стене — поза получилась почти естественная, будто он просто присел отдохнуть. Через пятнадцать минут очнётся, и ничего не вспомнит. Профессиональная работа. Никаких следов.

Дальше. Дверь шлюза. Как я и предполагал, замки были разблокированы — аварийный протокол работал без сбоев. Крутанул штурвал: туго, но поддаётся, как крышка люка, когда её срываешь с петель. Створки разошлись. В лицо пахнуло сыростью и химической кислятиной — запах внешнего мира.

Я вышел на поверхность.

Красное небо висело надо мной — не багровое, а именно красное, цвета запёкшейся крови. Тучи клубились низко,

как грязная вата. Воздух резал лёгкие: смесь серы и чего-то ещё, чему я даже не знал названия.

Я стоял на бетонной площадке, утыканной антеннами, — они торчали, как иглы в разные стороны. Впереди лежала Периферия: остатки внешних укреплений Усадьбы, бетонные столбы, ржавая колючка под напряжением, остовы сгоревшей техники. А за ними — пустошь, бескрайняя, и совершенно неизвестно что там могло быть.

Я побежал. Время, отпущенное на пересечение открытого пространства до включения сканеров, сжималось. Из памяти Надзирателя я знал: мёртвая зона начинается в двухстах метрах от внешней стены. Там кончается покрытие датчиков, там Усадьба слепнет.

Ноги увязали в рыхлой земле — даже скорее не земле, а смеси пыли с технической грязью, измельчённой в муку десятилетиями разрушения. Под ногами хрустели осколки стекла, кости каких-то мелких животных, куски оплётки кабелей. Я перепрыгнул через проржавевшую балку, обогнул воронку с зеленоватой жижей на дне. Кислотная грязь. Если наступить — разъест подошву за минуту, потом кожу. Информация из памяти Надзирателя была весьма полезна.

В ста метрах от стены я услышал вой сирены. Уже не плановая тревога, а боевая.

Значит меня уже хватились.

Сканеры включились раньше расчётного времени — или патрульный очнулся быстрее, чем я предполагал. Неважно.

Нужно бежать. Сейчас всё решала скорость, а не анализ ситуации.

Я прибавил ходу. Плазмобой бил по бедру, ботинки скользили, а лёгкие уже горели. Усталость быстро накапливалась в мышцах, но это можно игнорировать. За спиной защёлкало. Турели на стенах активировались, их механизмы поворачивали стволы, сканируя пространство. Пока еще не стреляют — значит, ещё не засекли.

Ещё пятьдесят метров. Тридцать. Десять.

Я нырнул в овраг — русло какой-то пересохшей реки, заваленное мусором и ржавым металлоломом. Здесь, под слоем бетонной крошки и гниющих кабелей, датчики уже точно не достанут. Отдышался, прижавшись спиной к осыпающемуся склону. Сердце колотилось. Пот заливал глаза, смешиваясь с кислотной взвесью из воздуха, и на коже выступала мелкая красная сыпь.

Я поднял голову. Из оврага открывался вид на пустошь. Остовы мёртвых мехов.

Их было шесть — или семь, дальние сливались с багровым туманом. Исполинские машины, умершие много лет назад, теперь лежали как павшие божества, как выставка, где препарировали саму реальность. У одного не было головы — кабина пилота снесена прямым попаданием, и из рваной дыры свисали пучки проводов, похожие на перерезанные жилы. У второго корпус был разворочен, и внутренности вывалились наружу: кабели, как кишки, разбитые механизмы,

почерневший реактор, как мёртвое сердце. Третий стоял на коленях в позе молящегося, его ноги давно застыли, придав ему сходство с окаменевшим идолом. Четвёртый просто лежал на боку, и ржавчина съела его до рёбер силового каркаса, обнажив внутренности, как музейный экспонат.

Я смотрел на них и понимал: это не просто машины. Когда-то это была цивилизация. Технология, которую вознесли до уровня религии, а потом уничтожили. Теперь она гнила под красным небом, и никому не было до неё дела.

Я двинулся вдоль оврага на восток. По карте из памяти Надзирателя, где-то в пятнадцати километрах проходила старая трасса — шесть полос растрескавшегося бетона, заброшенных, но ещё вполне проходимых. По ней можно добраться до сектора под названием Нейтральные Территории. Там вроде как не действовала власть Кругов — по крайней мере, официально.

Через час я выбрался из оврага. Местность стала ровнее — плоская, как стол, равнина, усеянная мелкими воронками. И тут пошёл дождь.

Первые капли упали на рукав. Ткань зашипела, как живая. Я выругался, натянул капюшон, ускорил шаг. В памяти Надзирателя всплыла информация: кислотность осадков менялась от сектора к сектору. Здесь, на окраине Периферии, она была терпимой — хватит на час-полтора, прежде чем одежда начнёт расползаться. Но если дождь усилится... Сука, усилился.

Через двадцать минут он лупил сплошной стеной, и каждая капля оставляла на ткани крошечный ожог. Капли барабанили по капюшону, по плечам, по спине — куртка дымила, испуская едкий запах. Кожа на открытых участках — лицо, кисти буквально горела, будто её тёрли наждаком. Я заметил полуразрушенный блокпост — бетонную коробку без крыши, но с уцелевшим навесом у входа.

Быстро забился под навес. Стянул куртку. Ткань на плечах уже пошла пузырями, как кожа при сильном химическом ожоге. Ещё бы минут десять-пятнадцать — и проело бы все абсолютно точно.

Дождь шел уже часа два, и было совсем не понятно, когда он прекратится. Кислотные капли барабанили по бетону, и звук этот был максимально жутким и монотонным. Пока шел дождь я съел половину пайка, запил водой. Курить хотелось нестерпимо, вредная привычка, доставшаяся от прежнего тела, но сигарет у меня не было. Только зажигалка.

Когда дождь стих, я наконец двинулся дальше. Небо осталось красным. Времени суток в этом мире видимо не существовало, свет не менялся, всегда сумерки, всегда багровый полумрак, всегда словно под лампой, когда ещё не ясно, что с тобой будут делать.

К старой трассе я вышел к тому времени, которое здесь, вероятно, считалось вечером.

Трасса представляла собой шесть полос бетона с грязными пятнами непонятных цветов. Вдоль обочин — брошен-

ные машины: нечто среднее между внедорожником и бронетранспортером, на колёсах, но с элементами шагающих механизмов. Гибриды, или неудачные эксперименты инженеров. Некоторые сгорели дотла — только остовы, чёрные и пустые. Другие просто брошены с распахнутыми дверями. Видимо, хозяева бежали и не вернулись.

Я шёл по разделительной полосе. Под ногами хрустели осколки стекла, россыпи гильз — мусор войны, которая отгремела здесь много лет назад. На одном из остовов я заметил эмблему — четыре концентрических круга, выжженные на броне. Четвёртый Круг? Местная символика пока ускользала от меня, эта информация затерялась в глубинах украденной памяти.

Впереди наконец показался город.

Руины многоэтажек с выбитыми глазницами окон. Рухнувшие мосты, застывшие в неестественных позах, как люди со сломанной спиной. Остов собора без купола — его опоры целились в красное небо, как пальцы мертвеца. А на центральной площади, раскинув руки-манипуляторы, лежал скелет Властелина.

Этот был больше тех, что я видел раньше. Метров пятнадцать в высоту. Он лежал, распластанный, будто пытался обнять город перед смертью — или раздавить его. Броня уже проржавела до сквозных дыр, и сквозь эти дыры просвечивало красное небо, создавая иллюзию кровоточащих ран.

Я подошёл ближе. Внутри кабины, за мутным стеклом,

виднелись высохшие останки пилота — скелет в истлевшей форме, с медальоном на груди. Я забрался через пробоину в кабину и снял медальон. Тяжёлый. Серебро или платина — металл, не поддавшийся ржавчине. На медальоне были семь женских фигур, выгравированных тонкими, как волос, линиями.

Семь Сестёр. Это сразу почему-то пришло мне в голову.

Такие же, как в моём видении из Сингулярности. Такие же, как в памяти Надзирателя, когда он видел Верховную Жрицу. Их позы были застывшими, лишёнными лиц, но я чувствовал исходящую от них силу — силу строителей, создавших этот мир, а потом бросивших его гнить.

Я сжал медальон в кулаке. Совпадений не бывает — это я усвоил ещё в больнице, где каждый симптом вёл к болезни. Это точно знак. Или может послание. Или чья-то больная, изошрённая игра.

— Стоять.

Голос раздался из-за остова робота — спокойный, деловой. Так говорят люди, привыкшие к тому, что им подчиняются, даже если подчиняться некому.

Я обернулся.

Из-за ржавой брони вышли трое. Оборванцы с оружием, собранным, казалось, из обломков этого мёртвого города. У первого — дробовик, перемотанный синей изолентой, с самодельным ремнём из обрывка кабеля. У второго — автомат, похожий на древний «калашников», но с дополнитель-

ной обмоткой поверх ствола — кустарная переделка. У третьего — нож и самодельный электрошокер.

Сталкеры или мародёры. Или просто местные, которым не повезло родиться без способностей в мире, где способности решали всё.

— Гляди-ка, — сказал первый, с дробовиком. Глаза его, воспалённые и красные, обшаривали меня, как сканер. — Дружинник. Свеженький, даже не поцарапанный.

— Я не дружинник, — ответил я ровно. — Я сбежал.

— Один хер. Снять с тебя есть что. Форма новая, ботинки целые. И плазмобой. Хороший плазмобой, заводской. Отдай по-хорошему — может, и разойдёмся.

— Нее, не отдам.

Дробовик хмыкнул — звук был похож на кашель с дырой в лёгком. Кивнул тому, что с автоматом:

— Ваня, врежь-ка ему.

Ваня начал поднимать ствол. Движения его были медленными, как у заторможенного человека, — то ли постоянное недоедание, то ли еще что-то.

Я не стал дожидаться пока он поднимет наконец автомат. Пси-импульс — узконаправленный, боевой. Я ударил Ваню в мозг, туда, где хранятся все страхи, собранные за жизнь. Не просто испугал — вскрыл все его фобии разом, как вскрывают нарыв.

Ваня сразу ожил и завизжал. Автомат выпал из разжавшихся пальцев. Он рухнул на колени, закрывая голову рука-

ми, сжался в комок — взрослый мужчина, превратившийся в ребёнка, прячущегося от бомбёжки.

Дробовик дёрнулся, глядя на него, и получив удар тоже завизжал. Ствол пошёл вверх. Я шагнул вперёд — один слитный, выверенный шаг, — перехватил ствол левой рукой, отводя его в сторону. Правой ткнул ножом в горло.

Лезвие вошло легко. Под челюсть, прямехонько в артерию — классический удар, которому не учат в институтах, но который я освоил самостоятельно. Провернул нож. Кровь хлынула на грязный бетон — алая, яркая. Ваня захрипел, выпучил глаза, осел на колени, а потом завалился на бок.

Третий, с шокером, бросился бежать, спотыкаясь и падая. Я не стал преследовать. Пусть бежит. Его страх — лучшая реклама для меня. Теперь местные будут знать: на Нейтральных Территориях появился псих, который выжигает мозги и режет глотки. Ко мне точно не сунутся теперь без подготовки.

Дробовик всё ещё визжал — тонко, пронзительно, на одной ноте. Я подошёл к нему, присел на корточки, заглянул в лицо. Зрачки его расширились до предела, из носа текло, из ушей сочилась кровь — я перестарался с импульсом.

— Тихо. Заткнись, — сказал я негромко.

Он замолчал мгновенно, будто захлебнулся собственным криком. Смотрел на меня безумными, остекленевшими глазами — глазами человека, которому только что объявили смертельный диагноз.

— Я тебя не убью, — продолжил я спокойно, почти ласково. — Расскажешь своим, кого встретил. Расскажешь, что я сбежавший дружинник. Что меня ищет Круг. Что за мою голову обещана награда. И что я убиваю быстро и без предупреждения. Понял?

Ваня судорожно закивал — голова дёргалась, как у сломанной куклы.

— Вот и хорошо. Беги.

Он побежал — спотыкаясь, падая, поднимаясь, снова падая. Фигура его быстро растворилась в красноватом тумане. Я подобрал автомат, снял патронташ с трупа, обыскал карманы. Нашёл пачку сигарет — мятых, но целых. Закурил.

Дым был едкий, с привкусом какой-то дряни. Но я курил и смотрел на мёртвый город под красным небом. Пора было уходить — крики, выстрелы и ментальный всплеск наверняка привлекли внимание. В этом мире, напичканном датчиками и сканерами, нельзя долго оставаться на одном месте.

Я двинулся через руины к центру. По карте из памяти Надзирателя, где-то здесь должен быть подземный переход — старая станция метро, переделанная под убежище. Там можно переночевать, переждать световой цикл, перезарядить оружие.

Убежище я нашёл через полчаса. Вход был замаскирован под завал из бетонных обломков. Внутри оказалось на удивление сухо — кто-то видимо жил здесь раньше. Остались следы: консервные банки, вылизанные до блеска, спаль-

ный мешок с пятнами плесени, самодельная печка из обрезка трубы. Но сейчас было пусто. Видимо, хозяева ушли или умерли. Второе вероятнее.

Я разложил спальник. Поужинал остатками пайка, запил водой. Достал блокнот Надзирателя — бумажные страницы, исписанные убористым почерком.

На первой — схема Усадьбы с отмеченными постами. На второй — коды доступа к дверям, выписанные столбиком. На третьей — список имён: дружинники, офицеры, стукачи, платные агенты.

На четвёртой...

Четвёртая страница была исписана другим почерком, кого-то другого. Кто-то оставлял ему сообщения на полях, как врач оставляет пометки в карте больного.

«Объект 734-М — не человек. Он придёт. Ждите. Наблюдайте.»

Я перечитал трижды. Почерк очень похож на женский. Слишком аккуратный, тонкие линии, острые углы, наклон влево. Выдаёт характер: жёсткий, волевой, не склонный к уступкам. Тот же почерк, что и... где я его видел? В старой жизни. В моей лаборатории. На полях историй болезни, которые приносили из архива Первого меда.

Верховная Жрица была в моём мире?

Или я был в её?

Я отложил блокнот. Голова гудела, как трансформатор под нагрузкой. Чужая память наслаивалась на свою — воспо-

минания Надзирателя смешивались с моими, и я уже с трудом различал, где заканчивается его личность и начинается моя. Нужно спать. Мозгу требовалась перезагрузка, свяжам между клетками — отдых.

Я лёг и закрыл глаза. Красное небо стояло под веками.

Проснулся от того, что дрожала земля.

Хотя нет, не совсем земля. Это бетонный пол убежища вибрировал. Где-то наверху работали тяжёлые механизмы — много механизмов. Их шаги отдавались в толще грунта низкочастотным гулом, который я ощущал всем телом.

Я вскочил. Схватил плазмобой. Выглянул наружу через щель.

По руинам города шли мехи.

Малые — всего три метра в высоту. Четыре штуки. Шагающие платформы с манипуляторами вместо рук, на каждой — пулемёты, огнемёты, антенны для поиска. Они двигались цепью, прочёсывая развалины методично и неотвратимо. За ними, на прицепе, полз грузовик с клеткой.

А вот в клетке сидели Ищейки.

Я узнал их по памяти Надзирателя. Псы-киборги — живая плоть, смешанная с металлом. Вместо глаз — датчики, горящие тусклым красным цветом. Вдоль спины — гребень из электродов, считывающих мозговой след. Эти твари были натасканы на запах мозговых волн: каждый одарённый излучал уникальный рисунок, и Ищейки запоминали его. Дождь, грязь, расстояние — им на это было плевать. Они чуяли

сквозь стены.

И сейчас они похоже учуяли меня.

Головная Ищейка подняла морду. Датчики на ней вспыхнули алым. Из глотки вырвался вой — низкочастотный, вибрирующий, искажённый динамиком. Вой разнёсся над руинами, отразился от бетонных стен, и вернулся эхом.

Мехи остановились. Развернулись. Стволы нацелились на мой завал.

— Объект обнаружен, — проскрежетал динамик головной машины. — Повторяю: объект обнаружен. Запрашиваю разрешение на огонь.

Я не стал ждать ответа. Выстрелил из плазмобоя в ближайшего меха.

Плазменный сгусток ударил в сустав ноги — туда, где броня была тоньше. Вспышка, шипение, облако пара. Броня выдержала, но мех пошатнулся, теряя равновесие.

— Огонь на поражение! — скомандовал динамик.

Пулемёты ударили одновременно. Очередь вспорола бетон над моей головой, брызнула крошкой, осколки хлестнули по лицу. Я нырнул обратно в убежище.

Второй выход. Я помнил схему станции, в конце тоннеля — вентиляционная шахта. Узкая, но я пролезу.

Бежал по тёмному тоннелю, низко пригибаясь. За спиной грохотало — мехи ломались внутрь, разбрасывая бетонные обломки манипуляторами. Один из них разносил вход, расширяя проём. Второй пытался пролезть следом, но застрял

в проходе — броня скрежетала о стены.

И вот наконец шахта, решётка ржавая, забитая мусором. Я выбил ее ногой — прутья поддались не сразу, пришлось ударить ещё раз. Протиснулся внутрь. Стены из гофрированного металла, покрытые склизкой плесенью. Полз вверх наощупь, цепляясь за скобы, которые крошились под пальцами.

Сзади доносился вой Ищеек. Гончих уже спустили с поводка.

Я вывалился из шахты на поверхность — где-то в квартале от убежища, посреди руин того, что когда-то было возможно торговым центром. Вскочил на ноги. Побежал, петляя между остовами домов, перепрыгивая через груды битого кирпича. Сзади нарастал топот — железные когти цокали по бетону.

Ищейки не отставали.

Я нырнул в подъезд разрушенной многоэтажки. Лестница — ступени крошатся под ногами, перила вырваны. Второй этаж. Третий. Выше. На пятом остановился, переводя дыхание.

Ищейки ворвались в подъезд снизу. Я слышал их дыхание — механическое, с присвистом работающей гидравлики. Когти скрежетали по ступеням, осыпая бетонную крошку.

Я огляделся. На лестничной клетке были остатки какой-то лаборатории, возможно, подпольного химического производства. Бутылки с химикатами, старые, но, возможно, ещё не испорченные. Стекло мутное, но запах был безошибочным

— резкий запах растворителя. Я вытащил зажигалку.

Я сорвал крышку с одной бутылки. Плеснул содержимое на ступени. Потом ещё одну. Ещё. Жидкость текла вниз, растекалась по бетону, заполняя лестничную клетку едкими испарениями.

Ищейки поднимались — медленно, не спеша. Они знали, что я в ловушке. Выше только крыша, а снаружи — мехи, очень ждущие моего появления.

Я поджёг тряпку, бросил на ступени. Пламя вспыхнуло мгновенно — стена огня отрезала лестничный пролёт.

Одна из Ищеек сунулась в огонь. Шерсть вспыхнула — запахло палёной плотью и горелым пластиком. Тварь взвыла, и звук этот был полным боли и ярости.

Но вторая нашла обходной путь. Я услышал, как клацают когти по стене снаружи. Эта тварь лезла по фасаду, цепляясь за кирпичи своими лапами-манипуляторами.

Я выбил окно и высунулся. Ищейка висела на стене в трёх метрах от меня. Красные датчики уставились мне в лицо — два зрачка, горящих ненавистью, заложенной в программе. А из ее пасти текла слюна.

Я выстрелил.

Плазма ударила в морду — точно в переносицу, где сходились металлические пластины. Датчики лопнули, брызнув искрами. Тварь заверещала и сорвалась вниз — полёт с пятого этажа, прерванный глухим ударом о землю.

Остальные Ищейки отступили — но я знал: они точно не

уйдут. И те кто охотится на меня, тоже будут ждать. Окружат здание, вызовут подкрепление, возьмут в кольцо. Тактика, знакомая по памяти Надзирателя: взять измором, осадой, ожиданием.

Я посмотрел в красное небо сквозь разбитое окно. Достал сигарету, прикурил от тряпки, всё ещё догоравшей на ступенях. Выпустил дым в разбитое окно — дым смешался с красным светом и растаял.

— Ладно, — сказал я вслух. — Давайте поиграем.

Где-то на краю сознания, на самой границе слышимости, всплыл голос. Женский. Знакомый до дрожи. Тот который я слышал в памяти Надзирателя, — голос Верховной Жрицы.

«Ты справишься, доктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.